

должны были встрѣтить на своемъ пути ляхскія племена, Радимичей и другія племена, населявшія совр. Бѣлоруссію. Пробиваясь черезъ ляховъ, сѣвернорусы могли смѣшаться съ ними, увлекая ихъ въ дальнѣйшія движенія, ассимилируя ихъ себѣ, но и восприимая нѣкоторыя черты и отъ нихъ“ — такой чертой Шахматовъ считаетъ т. наз. мазурованіе, т. е. ѣ, ѝ, ѥ → с, z, s, въ результатѣ котораго въ послѣдствіи развилась т. наз. мѣна ц и ч. Во „Введеніи“ 1916 г. высказана (стр. 55) иная мысль: „Принимая во вниманіе“, говоритъ здѣсь авторъ, „что нѣкоторымъ финскимъ языкамъ, а именно западнофинскимъ, чуждъ звукъ ч, я считалъ бы возможнымъ допустить, что то или иное русское нарѣчіе подъ вліяніемъ финновъ замѣнило ч черезъ ц, причемъ смѣшеніе ч и ц было вызвано, въ дальнѣйшемъ, смѣшеніемъ этого русскаго нарѣчія съ другими.“ Нѣсколько ниже указывается (стр. 56) и на возможность польскаго вліянія на сѣвернорусскіе говоры, причемъ авторъ упоминаетъ и мелькомъ высказанное въ печати предположеніе г. Бодуэна де Куртене о финскомъ вліяніи на утрату шипящихъ польскими говорами, т. е. на такъ наз. мазураканіе. Въ брошюрѣ „Древнѣйшія судьбы русскаго племени“ вопросъ о происхожденіи смѣшенія с и ѣ у „словѣнъ“ оставленъ безъ разсмотрѣнія. Не отрицая возможности объяснять это явленіе, какъ результатъ вліянія „мазуракающихъ“ говоровъ, замѣчу все же, что при „мазурованьѣ“ упраздняются вообще шипящіе звуки — и ѝ, и ѥ, и ѣ, тогда какъ въ новгородскомъ нарѣчьи ѝ и ѥ — по крайней мѣрѣ въ древнихъ письменныхъ памятникахъ — продолжаютъ существовать. Статистическихъ подсчетовъ относительно мѣны въ нихъ ч и ц, сколько мнѣ извѣстно, еще не производилось, но при чтеніи напр. I Новгородской Лѣтописи получается такое, конечно субъективное, общее впечатлѣніе, будто переходъ ѣ → с встрѣчается гораздо чаще, нежели обратный; а если это такъ. и если — что достоверно извѣстно — утрата шипящихъ вообще въ новгородскомъ нарѣчьи ограничивается однимъ ѣ, то къ сравненію слѣдуетъ привлекать не польскіе говоры, а нижнелужицкій языкъ, который изъ всѣхъ шипящихъ утратилъ только ѣ; вмѣсто этого звука у нижнелужичанъ съ покомъ вѣка слышится с (Mucke, op. cit., pag. 161). Указаніе на сходство судьбы звука ѣ у нижнелужичанъ и новго-